

Все естественное сверхъестественно, и наоборот.

Гете

Тех, кто рассказывает собственную историю,
нужно выслушивать с осторожностью.

Джейн Остин, Сэндитон

Нет никакого чуда... Ты просто ложишься в ящик
и тихо дышишь.

Гудини

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ватерлоо, Айова

23 июля 1905

Шесть часов вечера

Сегодня я снова совершу невозможное.

Я уже привыкла к этому. Каждый вечер я заставляю людей верить в иную реальность. Я покажу им миры, которых никогда не было, и представлю события, которые никогда не происходили. Я сотку паутину красивой иллюзии, завлеку их в сверкающую ловушку, и они безропотно последуют за мной в волшебный, нереальный, завораживающий мир.

Но перед этим нужно собраться с силами. Я буду сидеть в этом кресле, не двигаясь и почти не дыша, пока меня готовят к магическому действию. Я чувствую, как пуховка легко касается моих щек, потом проходит по подбородку. Это гример готовит меня к выступлению. Потом он сильно нажимает мне на веко большим пальцем, а другая рука в это время мягко накладывает тени. Проворные пальцы быстро приводят в порядок растрепанные волосы, запястье охватывает золотой браслет. Манипуляции гримера невозможно не чувствовать, но я стараюсь отвлечься от этих ощущений и полностью отрешиться от реальности.

Я снова и снова воображаю предстоящий выход, подбираю слова и жесты, предвкушая очередной вечер волшебства. Вот я приветствую зрителей и начинаю представление. Достāju шляпы из воздуха. Перемещаю монеты по воздуху одним щелчком пальца, превращаю золото в пустоту и наоборот. Сцена за сценой в мельчайших подробностях поочередно возникают в голове, я мысленно воспроизвожу весь номер, от поднятия занавеса до выхода на поклон. И все это сидя в кресле, молча и без движения. Со стороны может показаться, что я умерла. Но в это время я танцую, вслуши-

ваясь в каждую нежную и напряженную ноту, и до совершенства оттачиваю элегантные движения.

Наконец приближается время выхода. Я встаю по команде, склонив голову, и на меня надевают приготовленное платье. Платье – в последнюю очередь. Вот так у нас проходит каждый вечер. Эти вечера похожи один на другой как две капли воды. На мне застегивают платье, от талии до шеи. Потом меня разворачивают, как куклу, чтобы продеть три крошечных пуговицы в три крошечных петельки. Теперь и шея закрыта, я застегнута на все пуговицы. Сценический образ создан.

На сцене я буду вести себя как обычно. Я совершу много чудес. Я буду показывать фокусы с шарфами и монетами, мало-помалу завлекая зрителей в свой волшебный мир, отвлекая их внимание, чтобы они могли снова встретиться с чудом. Я буду и льстить, и развлекать. А в конце выступления, как обычно, представлю номер «Полчеловека». Я распилю ассистента надвое, и разрез пройдет поперек позвоночника. Бедняга будет стонать, кричать и молить о пощаде, истекая кровью. Зрители не поверят своим глазам, но в то же время не смогут отрицать того, что произошло на сцене. Ведь все это им не приснится.

А потом я его исцелю. Ассистент снова встанет на ноги, цел и невредим, а на коже его не останется ни единого шрама, как будто и не было страшного распила пополам. О моем целительском даре ходят легенды, но при этом никому не ведомо, насколько они правдивы. Никто не знает, как я излечиваю собственные травмы, порезы и синяки, ожоги и переломы. Это не входит в легенду, но это часть моей жизни.

Во время каждого выхода меня сопровождают ассистенты, и мы движемся в едином ритме.

Каждый вечер повторяется одно и то же.

Вот так проходит жизнь самой известной в мире женщины-фокусницы, одной из немногих в своем роде. И эту жизнь я выбрала сама, мой выбор определили талант, удача и огромное желание. Но скоро все изменится. Начнется другая жизнь.

Сегодня я избавлюсь от своего мучителя раз и навсегда.
Сегодня я убью его.

Семь часов вечера

Фокусница поднимает топор высоко над головой, на мгновение замирает и одним мощным ударом обрушивает его на ящик.

Треск разбитого дерева эхом повторяется в самых дальних уголках зала. И в то же время раздается вопль. Кажется, что это вопль зверя, но Холт знает: кричит человек. Это человек в ящике, в который только что женщина на сцене вонзила топор. С обеих сторон ящика льется кровь, образуя лужи на полу. Зрелище вызывает тошноту.

Это кровь ненастоящая. Это всего лишь игра, напоминает он себе, очередная иллюзия.

Его друг Моуз шепчет:

– Как я тебе и говорил, верно? Еще никто не видел ничего подобного!

– Никто и никогда, – соглашается офицер Холт.

Они пришли позже других и простояли все представление сзади, за сидячими местами. Он видел, как сотни зрителей замирали в восхищенном молчании, и, затаив дыхание, вместе с ними напряженно следил за действием. Даже отсюда сцену было хорошо видно. Раньше выступление фокусницы составляло часть грандиозного театрального представления в духе древнеримских мистерий, с танцующими девушками-рабынями и ансамблем лютнистов. Но сейчас на сцене только волшебница с топором. С одного конца ящика, похожего на гроб на высоких колесах, выглядывает голова человека, а с другого конца торчат ноги. Ящик наполовину разрублен посередине, из разруба продолжает сочиться кровь.

Фокусница снова поднимает и опускает топор. Она делает это легко, как заправский крестьянин, колющий дрова. Человек в ящике испускает стон, потом снова стонет и вдруг замолкает.

Зрители в ожидании.

Когда волшебница отбрасывает топор, он падает на пол с громким стуком, но она как будто не слышит этого. Она берется голыми руками за расколотое дерево и медленно, медленно раздвигает в стороны обе половины зарубленного, окровавленного ящика. Потом фокусница толкает одну половину и двигает ее к правому краю сцены, после этого возвращается в центр, толкает вторую половину и откатывает ее к левому краю.

Холт внимательно следит за каждым ее жестом и движением.

По краям сцены медленно появляются ленты черного дыма. Дым вьется кольцами, образуя густые чернильные облака в центре сцены. Фокусница, подняв вверх мертвенно-бледные руки, стоит перед зрителями, которые видят ее до тех пор, пока ее хрупкая фигура не скрывается в дыму.

Вдруг раздается звук, напоминающий раскат грома, и черный дым становится белым.

Еще один раскатистый звук, и дым рассеивается, а зрителям открывается пустая сцена.

Слышен встревоженный ропот публики. Зрители в недоумении, они ерзают на своих местах и вертят головой. Что-то происходит в первом ряду. Холт не видит, что именно. Он настолько заворожен волшебным действием, что не может даже пошевелиться. Как и другие зрители, он с нетерпением ожидает развязки.

И вдруг зал взрывается аплодисментами. Бурные рукоплескания оглушают. Зрители смотрят на сцену, шепчутся, облегченно вздыхают. Волшебница снова на сцене, – как, когда она там очутилась? – и снова ее руки вскинуты. Публика следит за ней затаив дыхание. Лицо ее над закрывающим шею стоячим воротником блестящего черного платья напоминает парящую луну. На бледных щеках проступает легкий румянец.

Холт понимает, что так поразило публику. Волшебница приветствует человека, несколько мгновений назад зарубленного пополам: он снова цел и невредим. Человек улыбается и машет рукой.

Ассистент, которого только что разрубали надвое, стоит перед зрителями исцеленный, как будто и не было минут крови и ужаса.

Холт уже не может на это смотреть. Он выходит через заднюю дверь в фойе, постепенно успокаиваясь, и слышит, что Моуз идет за ним, на некотором расстоянии. Холт концентрирует свой взгляд на первом попавшемся неподвижном предмете, чтобы сосредоточиться. Этим предметом оказывается афиша, извещающая о выступлении волшебницы: «Восхитительная Арден». Она гордо смотрит на зрителей. Один глаз у нее голубой, а другой – наполовину голубой, наполовину карий. Фокусница склонилась над ящиком, который распилен пополам. Текст кажется ему размытым, буквы сливаются в одно бесформенное пятно, и разобрать их непросто. Но, возможно, дело не в шрифте.

– Успокойся, Верджил, – ободряюще произносит Моуз и хлопает товарища по спине.

– Не знаю, почему ты решил, что это поможет, – сухо отвечает Холт.

– Выкинь из головы все проблемы.

– Спасибо за совет.

– Если волшебство не помогло отвлечься, есть другое средство, – не сдается Моуз и уводит друга вниз по улице.

В полупустом зале уютной таверны царит приятный полумрак. Друзья выпивают и болтают обо всем на свете: о нынешней засухе, губительной для урожая; о том, как сильно изменился за двадцать лет маленький городок Джейнсвилль; и, наконец, о том, что паршивый вкус джина меняется к лучшему с каждой новой стопкой. Молчат только о том, что Моуза повысили по службе. Друзья не вспоминают о своем давнем соперничестве. Не вспоминают про Айрис, не обсуждают плохие новости Холта. Холт вежливо интересуется, как дела у Пруды и малыша, и успокоенно вздыхает, когда слышит, что у них все в порядке. Они могли бы по-дружески поговорить о женах, но сегодня вечером Холту не хочется затрагивать эту тему.

Они сидят уже три часа. Вдруг дверь таверны открывается, и слышен голос: «Шериф Хубер!» Моуз тут же вскакивает и идет к выходу, Холт остается на месте. Он сидит в одиночестве и продолжает пить джин. Холт знает, что домой он пойдет один. Карьера шерифа ему вряд ли светит. Холт по привычке опускает руку на поясницу, потом резко отводит ее назад. Какое-то время он сидит неподвижно, о чем-то задумавшись.

Услышав голос Моуза, Холт не сразу понимает, о чем речь, и с трудом возвращается в реальность.

– Холт! Поднимайся, мы уходим, – говорит Моуз.

– Что?

– Это дело полиции. – Моуз указывает на него. – Ты же полицейский.

– Двадцатью милями дальше по шоссе. Не здесь.

– Неважно. Будешь присутствовать там неофициально. Главное, чтобы ты непременно увидел это своими глазами.

Холт поднимается на нетвердые ноги и уходит следом за Моузом.

Спустя несколько часов после представления театр преобразается, и эти перемены его совсем не красят. Под потолком зажигаются люстры и ярко освещают пустые кресла, грязный и полинявший ковер. Голоса небольшой группы людей у сцены хорошо слышны в пустом помещении. Холт и Моуз направляются к центральному проходу.

Холт остро чувствует витающий в воздухе запах крови, постепенно испаряющейся после представления. К горлу подступает тошнота, но он старается сдержать ее. Дешевый джин в сочетании с последними новостями и кровавым зрелищем опустошили его морально.

Он заставляет себя идти, продолжая двигаться даже после того, как Моуз спрашивает:

– Кто обнаружил тело?

– Рабочий сцены, – отвечает ему один из служителей театра в форме.

Несколько служителей тесным кругом стоят на сцене. Опустив голову, они неотрывно смотрят в открытый опускной люк. Холт встает в круг и тоже смотрит вниз. Под сценой стоят еще шесть полицейских, рассматривающих то, что осталось после фокуса «Полчеловека». Чем больше полиции, тем больше света, поэтому внизу светло как днем. Холт отлично видит все сверху, несмотря на расстояние и опьянение.

Длинный, похожий на гроб ящик расколот пополам топором волшебницы. По краям раскола видны вишневые пятна. Это, конечно, фальшивая кровь, какую часто используют во время представлений. Но растекающаяся лужа жидкости под ящиком темно-красная, по цвету это нечто среднее между вином и ржавчиной. Одна половина ящика пуста. Труп втиснут в другую половину. Холт внимательно смотрит, как двое полицейских вынимают труп из ящика. Когда видит искромсанное тело, он отводит взгляд.

Моуз резким голосом спрашивает одного из полицейских на сцене:

– Они точно знают, кто это?

– Эти двое могут подтвердить, – полицейский указывает на девушек, дрожащих от страха в стороне. Они теребят друг друга за рукава, то и дело хлопая глазами. – Скажите им то, что вы говорили мне, – обращается он к девушкам, но те и двух слов связать не могут, и полицейский наконец произносит: – Это ее муж.

– Чей муж? – спрашивает Холт, думая, что речь идет об одной из девушек.

– Фокусницы.

– А где она сама? – спрашивает Моуз.

– Никто не знает.

– Мы бы хотели с ней побеседовать.

– Разумеется.

О фокусах, о муже и, конечно, о работе в целом. Разумеется, ее следует допросить. Холт представляет, как она занесла топор над

жертвой, а потом резко обрушила его на ящик, без колебаний. Эта картина видится ему очень живо, и Холту кажется, что он чувствует холод лезвия.

Пора отправляться домой. Прошлой ночью он не спал, просто лежал в кровати, борясь с тревогой, и бессонница начинает сказываться.

Холт хлопает друга по плечу:

– Послушай, кажется, мне пора.

– Только дай мне...

– Нет, ты должен остаться. Желаю удачи, шериф Хубер! Думаю, она вам понадобится.

– Может быть, заночуешь у нас? – предлагает Моуз. – Места хватит.

– Нет, спасибо. Мне правда нужно домой. Айрис будет волноваться, – отвечает Холт, и это правда.

Стоит чудесный теплый вечер, но летний воздух не помогает проясниться мыслям в голове. Холт вставляет ногу в стремя, дюйм за дюймом поднимается, переносит другую ногу над крупной лошади, и усаживается в седле. В душе он при этом злится, что приходится осторожничать. Алкоголь настолько притупил боль, что о ней можно даже забыть, но все же она ощущается. Ноющая боль. А еще и доктор поковырялся в ране, словно ее самой недостаточно. Но по крайней мере теперь он может оставить позади и это место, и этот день. Холт разворачивает лошадь в сторону Джейнсвилля.

Пятнадцать миль вниз по дороге, а потом еще пять миль до дома. На перекрестке он придерживает лошадь. Вечер тихий и теплый. Холт на мгновение представляет себе, что поворачивает направо. И продолжает путь, двигаясь на восток через Чикаго и Огайо до Нью-Йорка на побережье Атлантического океана, туда, где он никогда не бывал. Бросив вызов ветру и прищипорив лошадь, он на всем скаку мчится по равнине до тех пор, пока не на-

чинает задыхаться, как и его лошадь. В этот миг Холт вспоминает, что голоден. Перед самым поворотом его привлекает освещенное окно ресторана, круглосуточно открытого для путешественников, и он решает остановиться. Домой можно и опоздать.

Холт оставляет лошадь у выхода, заходит и садится за столик. Уже поздно, перевалило за полночь. В ресторане только один посетитель: в углу сидит мужчина. Он уронил голову на стол и кажется спящим. Холт читает меню и вытирает платком вспотевшее лицо. Он чувствует, как вместе с потом через поры на коже выходит алкоголь. Холт просит принести кофе, но в такой поздний час он уже закончился, и официантка уходит заваривать новую порцию. Названия блюд в меню выглядят весьма соблазнительно. Жареная ветчина с кукурузным пюре, фруктовый пудинг и черничный пирог. Можно выбрать любое блюдо и не прогадать. Как говорит Айрис, голод не тетка. Он на мгновение теряется, подумав о жене. Она еще не знает сегодняшних новостей. И он не знает, стоит ли ей сообщать. И вообще кому-либо рассказывать. Без сомнения, его заставят уйти в отставку. Его, единственного полицейского на весь город! И кем он тогда станет? Он превратится в ничтожество, но сможет ли Айрис любить ничтожество?

Звенит дверной колокольчик, возвещая приход нового посетителя. Холт на мгновение отрывается от меню, и в это мгновение весь мир меняется.

В ресторан входит молодая женщина в длинном плаще, в руке у нее чемоданчик. Холт уже видел ее, в тот миг она вытирала со щеки фальшивую кровь.

Не теряя времени, он быстро встает со стула и встречает гостью у двери, даже не дав ей войти. Холт трогает ее за локоть и говорит:
– Мадам?

Сейчас она кажется гораздо ниже ростом, чем тогда, на сцене. Она окидывает Холта странным, рассеянным взглядом. Один глаз, левый, у нее голубой. Самого обычного цвета. Правый глаз наполовину голубой, наполовину карий. Верхняя половина радужки

голубая, а нижняя каряя, раздел проходит ровно посередине. Даже если бы сверкающее черное платье не выглядывало из-под плаща, фокусницу непременно выдали бы глаза.

Четким, строгим голосом он сообщает:

– Я сотрудник полиции Верджил Холт, полицейское управление города Джейнсвилль. Именем закона вы арестованы, мадам. По подозрению в убийстве.

– В убийстве! – восклицает она, порывисто поднося к губам дрожащую руку. – Сэр?

– Не волнуйтесь, мадам, следуйте за мной, и мы все обсудим, – продолжает Холт и берет даму за локоть, чуть не вывихнув его в тот миг, когда она резко поворачивается и распахивает дверь.

Девушка энергично пытается вырваться, Холт ее удерживает с силой, а дверной колокольчик отчаянным звоном сопровождает ожесточенную борьбу в дверном проеме. В какой-то момент Холт больно задевает плечом косяк. Вдруг у него мелькает мысль, что он не должен так делать, что это опасно, и Холт на мгновение ослабляет хватку.

Девушка вырывается и убегает. Холт бросается за ней, но спотыкается и, поднявшись, понимает, что ее уже не догнать. Ему остается только смотреть, как девушка отвязывает лошадь и забирается в седло. Холт не волнуется. Он свистом подзывает свою лошадь, настигает беглянку и осторожно перетаскивает ее, усаживая перед собой на седло. Растерянная девушка не решается на ходу прыгать. Лошадь ведет себя спокойно, чувствуя твердую хозяйскую руку. Холт крепко обхватывает волшебницу обеими руками.

– Не сопротивляйся, – говорит он. – Мы оба упадем и расшибемся, так что это тебе не поможет.

Она мгновение порывается освободиться, но боязнь упасть заставляет ее смириться. Сейчас она кажется Холту еще меньше. Ее голова едва доходит ему до подбородка, а волосы растрепались и спутались. Теперь роскошные локоны похожи на морские узлы.

– Я никого не убивала, – говорит девушка. Ее голос звучит хрипло и неуверенно. – А кто убит?

Холт не отвечает. Обернувшись к ресторану, он видит на пороге чью-то тень. Наверное, это официантка решила узнать, что случилось, или вышел хозяин заведения, разбуженный шумом. Лучше исчезнуть, пока никто не видит. Нельзя же оставаться здесь и проводить допрос верхом на лошади. Он должен выяснить, что знает фокусница и что она сделала.

Куда ехать, на юг или на север? Если она виновна, ее нужно немедленно отвезти назад, в театр Ватерлоо, и передать полиции. Наверное, Моуз еще там. Но лошадь, стремясь быстрее попасть к своей кормушке, направляется в сторону Джейнсвилля. Холт принимает это как должное, и они спокойно едут по знакомой ему дороге. Заодно и хмель выветрится из головы. А вернуться назад он всегда успеет. Он страж порядка и обязан поступать правильно, хотя сейчас не уверен в своей правоте.

Если виновна, то она станет самой известной в штате преступницей за много лет. А он будет тем, кто ее задержал. Тогда его не смогут отправить в отставку, несмотря на ранение. Ему непременно нужно разобраться в этом деле. Фокусница может изменить его жизнь.

Холт чувствует, что голова у него кружится и туманится, но лошадь сама хорошо знает дорогу домой.

Джейнсвилль, Айова

За полчаса до полуночи

Участок состоит из одной комнаты. По сути, это просто деревянная коробка с входной дверью. В помещении только стол, стул и окно. Из окна виден лишь газовый фонарь, освещающий улицу. Холт сажает задержанную на грубый деревянный стул. Она безжизненно, как мешок сена, опускается на сиденье и наклоняется вперед. Рыжеватые волосы уже распутаны, но все еще находятся в беспорядке. Теперь ее шевелюра напоминает птичье гнездо. Холт

забирает у девушки плащ и чемоданчик, относит их к двери и запирает дверь на ключ. Затем он снимает с крючка свой полицейский ремень с кобурой и наручниками и быстро его надевает. Вид служебного оружия немного проясняет мысли. Холт поворачивается спиной к девушке, но краем глаза он следит за ней и отмечает, что она сидит без движения. Когда он подходит ближе к ней, чтобы лучше рассмотреть в тусклом свете, его нога предательски скользит по полу. Полицейский на мгновение теряет равновесие и чуть не падает.

Фокусница встает со стула и делает резкое движение. Холт реагирует мгновенно. Он бросается к ней, обхватывает руками ее колени и с грохотом валит девушку на пол. И снова вспоминает о том, что так поступать нельзя. Врач запретил ему делать подобные вещи после ранения. Но ведь врач не мог предвидеть, что возникнут такие обстоятельства. В любом случае надо действовать.

Холт слышит, как тяжело дышит девушка. Он тоже запыхался, но восстанавливает дыхание быстрее. Второй шанс. На этот раз он лучше справится. Он бесцеремонно снова усаживает девушку на стул, с силой прижимая ее к спинке. Потом отстегивает от форменного пояса наручники и приковывает задержанную к подлокотнику.

Достаточно ли этого?

Офицер Холт уверенно идет к своему столу и натывается в полумраке на собственный стул. Он достает из ящика стола еще четыре пары наручников. Достал бы и больше, если бы они были. Он надевает все четыре пары, одну за другой, на хрупкие запястья задержанной. Теперь на ней пять пар наручников. Холт защелкивает кольца на деревянных подлокотниках стула и отходит.

Задержанная бесшумно дышит. Холт видит, как поднимаются и опускаются плечи. Моуз уже рассказал ему все о ней по дороге в театр. Говорят, что вся сила волшебницы заключена в ее каре-голубом глазе. Своим двухцветным взглядом она легко вводит зри-